

Глава 89. Шэн Цинтан: Вы сказали, что эта работа была написана Вэй Хоу?

Вскоре кто-то принёс четыре сокровища кабинета и накрыл стол на высоком помосте перед столом для гостей.

Четыре сокровища кабинета – перо, бумага, чернила и чернильный камень.

Линь Си посмотрел на девушку очень несчастным взглядом:

– Раз ты так сказала, тогда я дам тебе шанс, подойди и напиши.

Сю Юй была в ярости.

– Всё в порядке. – Ин Цзыцзин положила руку ей на плечо, жестом приказав не двигаться.

Она встала и подошла поближе. Увидев эту сцену, студенты в аудитории забеспокоились. Один за другим они вставали, горя желанием подняться на сцену, чтобы посмотреть поближе. Ребята были очень взволнованы.

Цзян Ран успокоил несколько бурную внутреннюю энергию в своём теле и подавил нетерпение:

– У неё такие слабые руки, какие слова она может написать?

– Я тоже никогда этого не видела, но папа Ин определённо может сделать всё, что угодно.

– ...

Цзян Ран чувствовал, что не может опровергнуть это. Потому что он уже некоторое время пребывает в шоковом состоянии. Он должен был набраться терпения и смотреть на сцену.

С другой стороны, Чжун Чживан нахмурилась. Она была сбита с толку.

Я не могу понять, как Ин Цзыцзин, которая только что призналась в мошенничестве, осмелилась подняться на сцену.

Я и Линь Си учимся у одного и того же мастера, поэтому естественно, что я хорошо знаю его характер. Обычно он относится к людям мягко, но, когда дело доходит до академических вопросов, он очень строг, он даже меня ругал несколько раз. На этот раз Ин Цзыцзин напрямую столкнулась с Линь Си. В будущем она может забыть о том, чтобы войти в мир искусства.

Все богатые семьи связаны с миром искусства. После этого инцидента будет ли дедушка Чжун по-прежнему баловать приёмную дочь, которая так сильно оскорбила мир искусства?

Ин Цзыцзин взглянула на чернильный камень и обнаружила, что чернила уже были отполированы для неё, это избавило её от многих хлопот.

Она подняла подбородок и указала на свиток:

– Сколько стоит эта каллиграфия?

Линь Си сдержал свой гнев:

– По крайней мере, пять миллионов. Напиши свою.

Ин Цзыцзин кивнула:

– Хорошо. Запомни это.

Она опустила голову и взяла кисть из шерсти ласки из держателя для кистей. Аудитория в зале прямой трансляции была озадачена.

[Что она имеет в виду? Что Линь Си должен запомнить?]

[Я не понимаю, но она действительно смелая, и её мужество достойно аплодисментов.]

[Какая смелость? Что, если она не сможет ничего написать? На самом деле это будет очень неловко.]

Линь Си холодно наблюдал.

Позади него директор посмотрел на руководителя отдела литературы и искусства:

– Когда обсуждался вопрос об исключении? Почему я, директор школы, не знаю?

– Как я могу беспокоить вас, директора, по этому маленькому вопросу? – Руководитель отдела литературы и искусства улыбнулся: – Мошенничество, в котором к тому же замешан мастер Вэй Хоу, как её можно не исключить?

Директор нахмурился:

- В этом деле должно быть что-то ещё.

- Разве сейчас она не пишет? - Руководителю отдела литературы и искусства было всё равно: - Директор, вы узнаете через некоторое время. Она родом из маленького городка, так что ещё...

В одно мгновение его голос резко оборвался. Живой заградительный огонь также внезапно прекратился. Потому что в это время все, кто обращал внимание на стол, видели, как девушка снова подняла руку, только на этот раз левую, и взяла ещё одну кисть из шерсти ласки. Она прижала рисовую бумагу пресс-папье, сделала шаг назад, как будто наблюдая за чем-то, а затем наклонилась. В следующую секунду обе кисти двинулись одновременно.

[...]

[Чёрт возьми, она пишет одновременно и левой и правой рукой? Она что, сумасшедшая? Даже Линь Си не может это сделать, сколько ей лет в этом году?]

[Погоня за дешёвым эффектом! Такие люди оскорбляют искусство!]

[Брат-оператор, не снимай её, снимай её письмо! Быстро, быстро, давай посмотрим, какую чушь она напишет.]

[Не волнуйтесь, ребята, подождите, пока она закончит писать, через некоторое время вы узнаете, на что это похоже.]

Чжун Чживан снова покачала головой, ещё более разочарованная.

Левая рука связана с правым полушарием мозга, а правая рука связана с левым. Писать обеими руками одновременно, да ещё и хорошо писать, очень сложно. Ведь возможности нервов головного мозга ограничены, и сделать это без многолетних тренировок невозможно.

Мастера мира искусства за гостевым столом тоже были шокированы. К сожалению, они сидели слишком далеко, поэтому не могли видеть, что написала девушка.

Примерно через пятьдесят или шестьдесят секунд Ин Цзыцзин отложила кисть.

- Ты уже закончила писать? - Линь Си даже не знал, что сказать, его гнев был смешан с холодным сарказмом: - Самое главное при письме - быть терпеливым. Ты пишешь так быстро, что ты могла написать?

С этими словами он шагнул вперёд и поднял лист рисовой бумаги.

Когда он опустил голову, чтобы посмотреть, то мгновенно застыл. Камера, которая следила за Линь Си, чётко увеличила выражение его лица. Зрители даже могли видеть, как дрожит каждый его мускул.

[Линь Си, кажется, шокирован. Что он увидел?]

[Может быть, написанное слишком уродливо?]

[Мне так любопытно, давайте посмотрим, что там написано.]

Линь Си посмотрел на слова на рисовой бумаге, его зрачки сильно сузились, а пальцы задрожали. Это было невероятно.

Лист рисовой бумаги был разделён на два столбца. Одна сторона написана в стиле чжуаньшу, а другая – кайшу.

Два разных стиля, да ещё и совершенно противоположных стиля. Штрихи напоминали летящего дракона, плывущие облака, текущую воду. Написанные строки проникали в самую глубь. – Если бы он не видел этого своими собственными глазами, Линь Си действительно не мог поверить, что это было написано семнадцатилетней старшеклассницей. – К тому же, она написала это одновременно двумя руками. Как это возможно? Не говоря уже о том, что слова чрезвычайно величественны, кажется, что от них льются гром и молния. Импульс просто шокирующий.

Линь Си чувствовал сильное давление. Ему было трудно слишком долго смотреть на свиток.

Прошло десять секунд, а он всё ещё стоял неподвижно.

Оператор шагнул вперёд. Он был весьма удивлён и тихо напомнил:

– Мистер Линь, пожалуйста, поднимите его и направьте в камеру.

Линь Си всё ещё был в оцепенении, но всё же разложил рисовую бумагу.

Две надписи отобразились на большом экране. Они были полностью выставлены на всеобщее обозрение.

Улыбаясь, Чжун Чживан разговаривала с руководителем отдела литературы и искусства. В этот момент она подняла голову, чтобы посмотреть.

Её улыбка застыла, а в голове загудело:

- ...

Казалось, что все звуки в её ушах исчезли. Всё помещение погрузилось в мёртвую тишину.

Шквал в зале прямой трансляции прекратился на несколько секунд и вдруг резко усилился.

[Чёрт, эти слова...]

[Честно говоря, по сравнению с этим, работа мастера Вэй Хоу действительно выглядит как мусор.]

[Она писала обеими руками, на одном дыхании. Она написала двумя разными стилями. Разве это не круто?]

[Нужно ли ей жульничать, если она так хорошо пишет?]

[Я не сторонник заговоров, но почему я подозреваю, что кто-то украл её каллиграфию? На неё намеренно одели шляпу обманщицы?]

Чем больше они высмеивали её до этого, тем сильнее была обратная реакция. Особенно у зрителей, которые ждали разворота событий.

[Простите, я действительно... Мне не нравится этот ваш так называемый Линь Си, я даже ненавижу его.]

[Разве только что он не был довольно высокомерным? Тогда пусть Линь Си тоже напишет на месте. Ему 28 лет? 17-летняя девушка использовала две руки, так почему бы ему не использовать ещё и две ноги?]

[Использовать как руки, так и ноги? Вы смотрите на Линь Си слишком высоко, верно? О чём вы говорите? Говорили, что в 12 лет Линь Си продал свою работу за 500 000 юаней, но как я узнал, покупателем был его дедушка.]

[Вау, вот это заговор! Я только что слышал, как Ин Цзыцзин спросила Линь Си, сколько стоит «мусорная» работа. Линь Си сказал, что пять миллионов. Тогда то, что она написала сейчас, стоит не менее 10 миллионов, верно?]

[Линь Си бьёт себя по лицу. Давайте откровенно. Если бы он сначала пообщался с этой ученицей наедине и, если бы она не раскаялась, было бы ещё не поздно сообщить о её исключении из школы. Более того, он не учитель Цинчжи, верно?]

Поскольку там было много учеников средней школы и старшей школы, а также преподавателей и сотрудников, по обе стороны платформы были установлены два больших экрана. Прямая трансляция проецировалась на большой экран. Так как участниками были молодые люди, школа шла в ногу со временем, и, естественно, заградительный огонь не был отключён.

Шквал насмешек, который раньше высмеивал Ин Цзыцзин, давно прошёл. Вместо этого теперь все они высмеивали Линь Си за то, что он был слишком высокомерным.

Мозг Чжун Чживан всё ещё гудел, и она не могла слышать, что говорили люди вокруг неё. Её губы побледнели, а лицо стало пепельным.

Как это могло быть? Могла ли Ин Цзыцзин действительно написать эту работу? На самом деле она не обманывала?

– Мистер Линь, я не знаю, почему вы так уверены, что ученица Ин жульничала, используя работу мастера Вэй Хоу. – Директор холодно взглянул на руководителя отдела литературы и искусства. – Но теперь, когда всё стало ясно, вы оскорбили её репутацию. Разве вы не должны извиниться перед ученицей Ин?

[О-о, мне нравится этот директор, он не из тех людей, которые ценят только лицо. Он также не заискивает перед богатыми и могущественными.]

[Линь Си должен извиниться. К счастью, у маленькой девочки сильная психологическая устойчивость. Несколько дней назад новость о том, что студентка прыгнула со здания, заставила меня задохнуться.]

Тело Линь Си напряглось.

Но он не стал извиняться, а вместо этого сказал:

– Но эта работа действительно принадлежит мастеру Вэй Хоу.

Даже если Ин Цзыцзин хорошо пишет, это не доказывает, что она не жульничала.

Прежде чем директор успел заговорить снова, президент Шанхайской ассоциации каллиграфии внезапно встал и изумлённо сказал:

– Президент Шэн?

Ин Цзыцзин повернула голову набок.

Всего в нескольких метрах от них Шэн Цинтан шёл к столу для гостей в соломенной шляпе и тапочках.

Президент Шанхайской ассоциации каллиграфии поспешно вышел вперёд, чтобы поприветствовать его:

– Президент Шэн, как вы здесь оказались?

С точки зрения своего статуса в мире искусства, Шэн Цинтан, безусловно, был одним из лучших. Хотя он ушёл из Китайской ассоциации каллиграфии и искусства, его по-прежнему будут почитать как великого мастера.

– Я пришёл просто посмотреть. – Шэн Цинтан махнул рукой: – Мне сегодня скучно.

Он не мог признаться, что он собирался использовать своё старое лицо, чтобы вернуть работу доктора Ин Шени.

Зачем ей участвовать с такой замечательной работой в каком-то фестивале искусств? Её следовало бы вставить в рамку, повесить на стену и каждый день любоваться ею. Понимает ли эта группа людей суть этой каллиграфии?

Но! Тьфу! Что я только что услышал? – Мистер Шэн был зол.

Линь Си тоже был ошеломлён:

– Старейшина Шэн.

Шэн Цинтан проигнорировал его. Он указал на свиток и сказал слово в слово:

– Вы сказали, что эта работа была написана Вэй Хоу?

<http://tl.rulate.ru/book/56599/2441082>